

Свободный театр.

„Желтая кофта“.

Да здравствует светлое, радостное, благородное веселье, даруемое нам искусством!

Да здравствуют радость ярких, ласкающих красок, простота, наивность, ограждение от тяжелой повседневности.

Да здравствуют два американца, Беркима и Хазельтош, изучившие душу китайского театра и давшие ее нам в несколько сконцентрированном, но очаровательно видѣ, воплотивъ въ «Желтую кофту».

Да здравствует Свободный театр, эту пьесу поставивший!

Да здравствуют артисты, не только радостно разыгравшие эту пьесу.

Они все время старались плѣнить наши августѣйшие*) взоры и зачаровать наши всемогуществѣйшій слухъ, и мы шлемъ имъ за это паде величайшее благодарное.

«Желтая кофта», въ сущности, — пародія, но есть такая великолепная пародія, которая влѣкаетъ сущность пародируемаго полнѣе и замѣчательнѣе, чѣмъ самый оригиналъ.

Пьеса двухъ американцевъ принадлежитъ къ этому роду пародій.

Она даетъ взору иду въ то, что обычно для китайскаго театра и кажется такимъ божественно наивнымъ для европейца, но она нигдѣ не идѣла, не переходитъ въ буфонаду, и не зная, что это имитация, вы охотно примете ее за истинное произведение театра Небесной имперіи.

На сценѣ, «невидимый», все время присутствуетъ авторъ пьесы, разъясняющій публикѣ ея содержаніе; на сценѣ все время сидитъ, тоже невидимый, бутафоръ, своевременно подающій изъ своего ящика все, необходимое для спектакля. Предметы, которые онъ выдаетъ посреди сцены, обозначаютъ высочайшія горы, бушующіе потоки, сады, дворцы, — все, что угодно. Обезглавленные люди уходятъ за кулисы или поднимаются по лѣстницѣ на небеса: сдуваемая съ блюда конфетти изображаютъ свѣжнюю бурю, — вы хотите, но въ то же время и вѣрите, — да, вѣрите всему происходящему.

Хотите, вѣрите и починайте всю труппу нашихъ театральныхъ ухищреній, желалющихъ все сдѣлать «по-настоящему».

Долой настоящее! Искусство только потому и хорошо, что оно не «настоящее». Вообразите вы на одну секунду, что Отелло действительно, по-настоящему убилъ Дездемону, — и вы съ ужасомъ броситесь на сцену ли, вонъ ли изъ театра и будете чувствовать, что васъ оскорбили, сопникоули съ самыми мерзкими его очами жизни.

А здѣсь герою, идущему для того, чтобы отыскать страшный мечъ, разбодунившій бутафоръ подаетъ изъ корбля лебезянное подбѣе меча и кланяется его обрато въ клеробѣ раньше, чѣмъ горой успѣлъ произнести свой величественный монологъ. Когда герою нужно пройти въ домъ, передъ нимъ помощникъ бутафора протягиваетъ палку, которая обозначаетъ дверь. Онъ отстраняетъ палку и входитъ...

Такова милая вѣрность спектакля. Его сущность, содержаніе?..

Здѣсь все есть, коли нѣтъ обмана: И страхи, и любовь, и черты, и цвѣты...

Обмана, разумеется, больше, чѣмъ чего бы то ни было, но это такой милый обманъ; тѣмъ-то и хорошо, что обманѣ.

Звучали вымыслы намъ правдою прекрасной.

Хочоца надъ величайшей, даже подчеркнутой напѣвностью китайскаго театра, мы въ то же время хохотали надъ самими собой:

Развѣ не одинаково? У нихъ такіе условные приемы, у насъ другіе, по деревянная лѣстничка, по которой герои взбираются на небеса, — чѣмъ это навѣще горь, сраженій да и всего, что угодно, что мы изображаемъ на нашихъ европейскихъ сценахъ?

Какъ бы ни была «реальна» постановка нашего театра, — отвѣтите мнѣ въ сумасшедшій домъ, если я хоть на мигъ не повѣрю въ ея действительную реальность, и какъ бы ни былъ условенъ китайскій театръ, я, въ первую секунду расхохотавшись надъ чуждымъ и неожиданнымъ для меня проявленіемъ условности, въ слѣдующую охотѣйшимъ образомъ готовъ принять эту условность всерьезъ.

— Слѣжайте одолженію.

Принимаемъ же мы всерьезъ и переживаемъ эмоціи, глядя на сцену Гамлета съ тѣнью его отца.

Театръ — условность, и для того, чтобы действительно восхищаться театральнымъ искусствомъ и переживать эстетическіе моменты, необходимо все время помнить, что онъ — условность прекрасная пчавла досужихъ вымысловъ.

Авторъ китайскаго театра подаетъ такъ часто обращеніе къ нашему августѣйшему воображенію. Мы жили, действительно, воображаемся.

Оттого, въ самомъ дѣлѣ не повѣрять, что этотъ потыгычающій на сценѣ и бьющій себя кулакомъ по ногамъ итнать фѣтъ на великолѣпномъ бѣломъ кофѣ?

Оттого, рачотно вѣрю!

Жизнь жизнью дѣтой, жизнью много тѣхъ тѣхъ сыпншихъ мѣръ которого въ мѣлкихъ разъ полнѣе, восторгѣе, раз-образѣе и прекрасѣе, чѣмъ мой собственнѣйшій.

Въ «Желтой кофтѣ» есть стиль. Пускай это десять разъ полнѣе, пускай съ ней много отступленій отъ допотопнаго китайскаго театра, пускай Свободный театръ беретъ много отъ Японіи, а американскіе артисты — отъ модернизма — для насъ по стилюмъ часто бляющихъ въ Китаѣ, это — дополнительное, отличное и опародотельное искусство, чѣмъ не тѣмъ и прекрасное.

Въ это опущеніе радости примѣшанія нѣкоторое сожалѣніе, что авторъ былъ неостороженъ: «Желтую кофту» можно было бы значительнѣе утѣшать, и всѣ отъ этого чрезвычайно выиграли бы.

*) Вся китайская пьеса переполнена эстетизмомъ: августѣйшій, всемогуществѣйшій ображеннѣе къ публикѣ.

Бакія мѣрки здѣсь прилагать? Въ чему

Точно такъ же, какъ можно не пересказывать содержанія, точно такъ же можно не говорить объ отдѣльных композиціяхъ.

придираться? Важно ли, что одинъ сыграетъ хуже, другой лучше?

Да и не было худшихъ, — всѣ играли хорошо, всѣмъ похвала. Особливо выразимъ свое августѣйшее вниманіе только г. Монахову — прекраснѣйшему, воспитаннѣйшему и симпатичнѣйшему изъ всѣхъ сыновъ Небесной имперіи, да г. Асланову, а, можетъ-быть, и это лишнее: чѣмъ же хуже всѣ остальные, напримѣръ, г. Аносовъ — бутафоръ, которому только пущо до конца схранить свою серьезность и не читать мнѣкоренныхъ гадѣй.

Почему я упомянулъ о бутафорѣ и не скажалъ ни слова о прекрасной г-жѣ Коусень... да нѣтъ, всѣ, всѣ рѣшительно хороши.

И пьеса, и постановка, и исполненіе.

Да здравствуетъ светлое, радостное, благородное веселье!

Да здравствуетъ «Желтая кофта»!

СЕРГѢЙ ЯБЛОНОВСКИЙ.

PS. Моя рецензія писалась подъ впечатлѣніемъ генеральной репетиціи, на которой и публикѣ, и артистамъ было чрезвычайно весело. На спектаклѣ кое-кто изъ публики обидѣлся: нѣмцы не знали, принимать ли представленіе всерьезъ, или нѣтъ. Чувствовалось, что произошло какое-то недоразумѣніе, что отразилось и на исполненіи. Къ концу спектакля это исчезло, и думается, что отношеніе между заломъ и сценой возстановится.